

ИНГА

За криво сбитым столиком в маленьком балочке*, что примостился на самом берегу реки Тауй, в ста десяти километрах от Магадана, чаёвничало трое рыбаков. За стенами их импровизированного дома хлестал сентябрьский дождь с вкраплениями снега. Рыба, как назло, в сетку не шла. Вся взятая на рыбалку водка была выпита и незадачливые рыбаки, ожидая машину, поправляли здоровье крепко заваренным чаем,

В таких ситуациях от скуки спасают долгие, ничего не значащие разговоры на отвлечённые темы. Говорили и они. Вернее, больше всех говорил небольшого роста, белобрысый мужчина. На пальцах его левой руки красовалась наколка «Нина», что могло говорить о том, что эта неизвестная миру «Нина» глубоко запала в душу рассказчика. На правой руке было не менее выразительно, вензелями написано «Серёга». Так было увековечено его имя.

Однако то, что он говорил о женщинах, больше подтверждало его не совсем удачные приключения по части общения с женским полом. Да и все женщины у него выходили какие-то однообразные, скучные, вечно его обманывающие, желающие получить не любовь, а, как он смачно выразился, «бабки».

- Я ей говорю, давай напряжёмся, подзаработаем деньжат и рванём на материк. Домик прикупим у речки, своё хозяйство заведём. Ну, там - машина, телевизор. А то тут, как бичи тащимся. А она мне: «Это с тобой, что ли? Да ты не знаешь, каким концом топор в руке держать! А то же, «домик, домик»! Уж лучше я тут подыхать останусь, вон с Толькой!» - Ну не сука ли? Дал я ей по морде и ушёл из дома на рыбалку. Вот теперь думаю, что дальше делать?

- Так чего же ты с ней живёшь? – вмешался я, - или, вместе скучно, а врозь тесно?

- Да нет, просто у неё комнатка есть, а я, так сказать, пока без своего места.

- А кто такая Нина? – кивнув в сторону руки, спросил третий, пожилой рыбак. На вид ему было лет семьдесят – семьдесят пять. Но выглядел он крепким мужчиной. Многие рыбаки звали его Михалычем и все знали его слабость – выпивку. Это был умудрённый опытом рыбак, знающий всё побережье Охотского моря от посёлка Олы до Тауйска. Все речки, впадающие на этом пространстве в море, были им тоже изучены. Правда, он плоховато слышал и мужики не редко окликали его именем «Бухалыч». Уж слышал он это или нет, не знал никто. Но он откликнулся и на это имя.

- Нееет, - протянул рыбак, - Нинка, это первая школьная любовь. Я её как увидел в школе первый раз, она на раздевалке дежурила, так меня как будто током прошибло. Стою, а ноги не идут. Я как раз в этом году из Ленинграда вернулся на Чукотку к родителям и пошёл в девятый класс. В нашей школе не учился два года. Другарь мой меня толкает, мол, что, говорит, опешил? Столбняк что ли? А я ему ничего ответить не могу. Заклинило. Он посмотрел на меня, на неё и говорит: «Это Нинка Волик. Она в прошлом году к нам приехала из Львова. В восьмом классе учится. За ней Витька Довганюк ухлёстывает».

Витька работал учеником моториста в морском порту и был известен в посёлке как хороший аккордеонист. Они вместе с моим братом, тоже аккордеонистом-самоучкой, обеспечивали музыкой все мероприятия посёлка и отдельных учреждений.

Ну, я это принял к сведению и всё же отбил у этого Витьки Нинку. Встречались мы с ней три года, а потом она опять уехала в свой Львов и через год вышла там замуж. Тоже шалавой оказалась!

Он с досады плюнул на земляной пол и как-то безнадежно махнул рукой. Чувствовалось, что его рана не затянулась до сих пор.

- Да все они такие! Продадут в любой время и в любом месте, - закончил он свой рассказ.

- Ну, почему все, - сказал Михалыч. - Я со своей Юлией Павловной почти пятьдесят лет живу. И в передрягах мы с ней были в приличных, и мурцовки нахватались вдоволь, а жи-

вём. И я уверен, что никогда, ни при каких обстоятельствах она меня не подводила и не предавала. Как и я её кстати, - добавил он после небольшой паузы.

- Да ну! Они всегда и всего боятся – снова завёлся Серёга. - С ними-то и дела толкового не сваришь. А сваришь, так в самый неподходящий момент они тебя и сдадут с потрохами. Знаем мы таких! Своя задница ближе!

И он засмеялся, потом поперхнулся чаем и выругался матом.

Михалыч посмотрел на него, тяжело вздохнул, закурил папироску и о чём-то задумался. Затем, вдруг спросил: «Хотите, я вам расскажу одну историю, как женщина спасла жизнь Вадиму Козину** во времена его отсидки в Магадане?»

Кто же этого не хотел?

Вот как выглядел его рассказ.

«Я, по молодости, служил в спецчасти в Магадане. Спецчасть была особая. Нас поднимали на поиски бегунков – заключённых, совершавших побег из лагерей. Служба скотская. Мы, как псы, искали этих и так уже обиженных богом людей и в большинстве случаев всё заканчивалось стрельбой. Как ни странно, но бегали больше политические. Уркам и так было не плохо в зонах. А те никак не могли, да и не хотели смириться со своим положением и бегали. Как будто отсюда можно было куда-то убежать! И бегали – повторил он. - Много было интеллигенции. Ну, там писатели, журналисты, артисты, учёные разные. Из артистов в клубе НКВД в Магадане составили целую концертную бригаду, которая выступала не только в Магадане, но и по посёлкам Дальстроя, да и вообще Дальнему Востоку. В ней и был тогда, сидевший в Магадане, знаменитый певец - Вадим Козин. А командовал в те годы Дальстроем генерал-майор Никишов Иван Фёдорович. Тот ещё живодёр! Жестокий был человек и любыми путями заставлял людей выполнять план добычи золота. Даже ценой их жизни. Кто эти жизни тогда считал?! Да и какой там план! Давай как можно больше и вся недолга! Но, он любитель был артистов, театрал. В клубе постоянно проходили концерты, ставились спектакли. Поверьте мне на слово: они были не хуже, чем в столице.

Блистал на сцене Вадим Козин. Он загремел на Колыму в сорок четвёртом. Что уж там случилось – не знаю, дела его не читал, но подзасел он прилично. Однако, на его счастье, а может быть и на беду, любителем его творчества оказался Никишов. Так что ни один концерт с участием Козина он не пропускал, а частенько Вадим пел для него лично.

Так вот, когда были концерты или спектакли, то клуб охраняли мы. И не только снаружи, но и внутри. Я тогда командовал взводом и, как правило, мои хлопцы находились внутри здания. Там я познакомился с одним майором из окружения Никишова. Интересный был мужик.

Во время одного спектакля мы с ним разговорились в буфете клуба. Он был прилично навеселе и говорил много и громко.

Вдруг, мимо нас прошла очень красивая женщина. Невысокого росточка, черненький, как смоль, волос, миндалевидные глаза, точёная фигурка. То ли цыганка, то ли мадьярка. Но смотреть на неё было приятно. Она была в гриме, а значит принимала участие в спектакле.

- Знаешь, кто такая? - спросил меня приятель.

- Понятия не имею!

- О, дорогой мой, это наша прима, Инга. Ведущая артистка была Львовского театра. Муж, польский полковник, после ввода наших войск в Польшу уж больно громко разглагольствовал, что это не помощь, а оккупация. Ну и докукарекался. Был расстрелян, а она, как жена врага народа, под фанфары загремела сюда. Её из лагеря «Сам» достал - доходягу. Случайно там услышал, как она пела... Так что у них теперь всё на мази. Она и живёт в театре. Пойдём, покажу апартаменты.

Мы прошли в рабочую часть театра, где размещались гримёрки, подсобные помещения. Он, не стуча в дверь, открыл одну из них. За дверью оказалась небольшая комната. У противоположной стены стоял стол с трюмо, в углу, справа от стола красовался огромный с

коваными углами сундук. В таких, наверно, мамы раньше хранили приданое своих дочерей. Ну, там перины, подушки, разные красивые платья, кофты и т. д. и т. п.

Слева от трюмо была небольшая вторая дверь. Войдя в неё, я увидел приличную комнату с круглым столом посередине. Над ним висел красивый, жёлтый абажур. Вокруг стола стояло четыре резных стула. Два стояли у стены рядом со шкафом. Шкаф был красивый, с резной отделкой. Рядом с ним находилась, как теперь бы сказали, стенка, выполненная из того же дерева. В ней, поблёскивая чистотой, находились тарелки, рюмки, бокалы, и другая столовая посуда. У другой стены стояло пианино белого цвета. За ним опять была дверь. Открыв её, я увидел аккуратную спальню с шикарную кроватью.

- Всё, всё! - Сказал мой приятель. - Пошли отсюда. А то мне достанется на орехи, если узнают, что я кого-то сюда водил. Здесь отдыхает «Сам!» Усёк?! Вот то-то и оно. - И он как-то странно захихикал. Потом вытолкнул меня за дверь и твёрдым, трезвым голосом сказал, - Видел? Забудь! Для твоей же пользы!

После этого случая прошло месяца два - три, когда из Москвы пришло сообщение, что Никишов награждён орденом Ленина и ему, за успешное выполнения задания по добыче золота, присвоено внеочередное звание генерал-лейтенанта.

Надо ли говорить, что гульба по этому поводу была вселенской. Не остался в стороне и театральный коллектив клуба, который приготовил в честь такого события концертную программу.

Вечером зал был полон. Офицеры в парадных мундирах, дамы в шикарных платьях, гражданские служащие в дорогих костюмах с нетерпением ожидали приезда «именинника». Концерт задерживался. Потом прошёл слух, что «Сам» не придет и концерт начнут без него. И действительно, на сцену вышел конферансье и, объяснив причину незапланированного концерта, чем сорвал бурные и продолжительные аплодисменты, объявил первый номер программы.

В середине концерта пел Вадим Козин. Как всегда его принимали на «Ура!» И вдруг, с балкона раздался голос Никишова: «Козину - слава!» и голос начал скандировать: «Козин! Козин!». Все присутствующие быстро повернулись к ложе и увидели входящего в неё Никишова со своим сопровождением. В экстазе от увиденного и услышанного, зрители подхватили клич и, хлопая в ладоши, стали скандировать «Козин! Козин! Козин!», поддерживая, как им казалось Никишова. Однако, это было не так. Кто-то из местных «шутников», не видя входившего в ложу генерал-лейтенанта, голосом Никишова так поприветствовал Козина.

Ошарашенный таким поведением зрителей, приветствующих не его, генерал-лейтенанта, начальника Дальстроя, а какого-то зэка, Никишов тупо уставился в зал. Лицо его начало багроветь, а это был признак того, что он впадает в бешенство. Находящаяся рядом с ним Инга стала мягко поглаживать его по плечу и успокаивать.

- Ну, Иван Фёдорович, ну не волнуйтесь! Какой-то дурак пошутил, а Вы так свои нервы тратите. Мало ли дураков на белом свете?

- Замолчь! – резко выдохнул Никишов. - Значит так! Шутника найти и расстрелять! Козина расстрелять! Всех разогнать к чёртовой матери! Я вам покажу, как из этого педераста кумира делать!!!

Он уже орал на весь зал, брызгая слюной. Доставалось всем: кто был рядом с ним, в зале и на сцене. В такие моменты он был страшен и неуправляем. Люди вскочили со своих мест и, давя друг друга, бросились к выходу. А Инга сбежала по внутренней лестнице в фойе, пробежала на сцену и, найдя Козина, быстро сказала ему: «Прячься! Он приказал тебя расстрелять!»

- Да, за что?

- Прячься, я тебе говорю! Ты что не видишь, в каком он состоянии?

- Да, куда? Его ищейки меня из-под земли достанут! – и Вадим заплакал, обхватив голову руками.

А Никишов буйствовал. Помощник генерала безрезультатно пытался остановить его, но это практически было невозможно. И тут в ложе появилась Инга. Волосы у неё были распущены, глаза горели каким-то бесовским светом. Схватив тяжеленный стул, она грохнула им в стенку и вдруг закричала: «Это когда-нибудь прекратится? Ты генерал или баба? Что ты себя перед этими мордами позоришь! А ну, пошли за мной!» Она повернулась и не глядя на то, что происходит за её спиной, вышла из ложи.

Никишов оторопело смотрел в спину Инги. Затем, обведя всех налитыми кровью глазами, сказал: «Приказ выполнять! Меня до утра нет!» И, пошатнувшись, пошёл за спускающейся по лестнице женщиной.

После обыска всего клуба, помощники «Самого» собрались в фойё. Попахивало неприятностями. «Шутника» нашли, а Козин пропал. Все знали, что Никишов, мягко говоря, не любил, когда его приказы не исполнялись быстро и точно. Надо было что-то предпринимать и очень быстро.

- Куда он мог деться? - горячился помощник Никишова, на которого большинство присутствующих уже посматривало с сожалением. – Он же не иголка! Надо допросить всех артистов. Кто-то что-то видел, кто-то что-то слышал. Начальник охраны, - завопил он, - опросить всех, когда и куда пошёл Козин из театра. Время час! Не найдёшь, я тебя вместо Козина грохну! Прямо здесь! Понял!

Начальник охраны только кивнул головой в ответ и помчался выполнять поручение. Но, результат оказался плачевным. Никто не видел Козина выходящим из клуба. Не было его и на месте проживания. Прочесали адреса его друзей и знакомых. Бесполезно! Певец пропал!

Наступило утро. Никишов открыл глаза и зевнул. Голова трещала от выпитого днём и вечером коньяка, водки и ещё чёрт-те знает чего.

- Ингуша, - позвал он, - у тебя рассольчика нет? Голова трещит.

- Как это нет! – раздался голос Инги, - очень даже есть. И не только рассольчик. Она появилась в спальне, неся налитый в бокал коньяк, нарезанный лимон с сахаром и бутерброд с бужениной.

- Спасительница ты моя, - сказал Никишов и попытался ущипнуть Ингу. Та игриво отпрянула в сторону и тут же присела на край кровати. Никишов выпил коньяк, поморщился, крякнул, съел ломтик лимона и, взяв в руку, откусил кусок бутерброда.

- Ни хрена не помню. У нас тут порядок или как. Где там мои архаровцы? Ну-ка, принеси мне ещё коньячку, - игриво попросил он. - Что-то ты меня сильно волнуешь.

После ещё одной порции коньяка они вновь завалились спать. Проснулись к одиннадцати. Никишов был в прекрасном расположении духа.

- Так, сказал он, вставая и одеваясь. - Сегодня празднуем у тебя. Что надо принести?

- Да всё у меня есть, - ответила Инга, - Только ты много своих овчарок не приглашай, нажрутся, а потом выкидывай их отсюда.

- Ну, ты моя милая, не права. Это не овчарки, это псы. Их кормишь, они тебе руки лижут. А забыл покормить или споткнулся на охоте, они тебя в миг разорвут. Так что ты с ними потише. Да! И давай сюда Вадима. Пусть попоёт, - сказал он, выходя в зал.

- Какого Вадима? – Инга шла за ним.

- Ну что ты дурочку ломаешь? Козина, какого же ещё! – он попытался её обнять.

- Так ты его вчера расстрелял!

- Кто? Я! Ты что, с ума сошла? – он отпрянул от неё.

- Нет, я-то как раз и не сошла. А ты вчера приказал своим псам его расстрелять.

Никишов побледнел и сел на стул. Было видно, что он растерян. Расстрелять Козина - это значит подставить свою голову. И очень сильно. Он знал, что сам Хозяин приглашал Козина петь перед ним. Да и руководство НКВД не раз выписывало Вадима на свои меро-

приятия. А потом, он приносил немалый доход в кассу клуба и бесследно исчезнуть ему не дадут. Будут разбираться и совсем не факт, что всё пройдёт гладко.

- Самсонов! Самсонов! – заорал Никишов, зовя своего помощника. – Ты где, мать твою!

Самсонов быстро вошёл в комнату. На него в упор смотрел Никишов, опять впадающий в бешенство. – Что молчишь? Докладывай!

Полковник Самсонов не знал с чего начинать. Сказать, что они не нашли Козина, подставить по полной программе. Сказать, что приказ выполнен невозможно. Его тут же заложат сослуживцы, хотя они и договорились так сказать.

- Чего молчишь? – заревел Никишов.

- Я, это, - замямлил Самсонов, - мы его того...

- Чего того? Ты что, язык откусил? Или мне тебе его отрезать? Ты почему меня вчера не остановил? Мало ли какие приказы я спяну буду отдавать. Ты зачем у меня помощником служишь? Водку пить, да с бабами спать? Ты у меня баланду жрать в лагере будешь! Я тебя...

- Ваня! Иван! - вдруг врзался в его крик голос Инги. – Да ты себя-то пожалей, а не только Самсонова. Ну, кто тебя вчера мог остановить? Ты бы сам всех там пострелял.

- Но ты-то меня увела!

- А мне чего бояться? Я - зэк. У тебя, таких как я, по всем лагерям понатыкано. Так что мне в лагерь возвращаться не в первой.

- Да ты что говоришь, что говоришь-то! Ты у меня одна такая. Видишь, Самсонов, какой она человек. Хозяина своего не боится. А вы все за свою жопу боитесь. Так, что с Вадимом? Давай сюда Козина!

- Так это, нет его.

- Как это нет? Если вы его не грохнули, так где он может быть?

- Да нигде нет. Мы весь город обшарили. Как сквозь землю провалился!

- Ты что, шутишь со мной? Да я тебя... - начал снова Никишов.

- Да погоди ты, - опять вмешалась Инга. – Ты приказ-то свой отмени, а то его до сих пор ищут, а найдя, грохнут.

Никишов встал со стула, застегнул китель и резко бросил Самсонову: «Пошли!» - вышел из комнаты в гримёрную. Там навтыжку стояли его помощники и начальник охраны. Никишов с презрением посмотрел на них: «Тоже мне – помощнички! - подумал он. - Какого-то занюханного зэка-певца отловить не смогли. Надо их разогнать к чёртовой матери и набрать новых».

- Значит так. Приказ о Козине отменяю. Но мне его из-под земли достать и представить сюда. Всё ясно! Пошли вон! – и он махнул рукой. - И ты иди, - бросил он Самсонову, - рой землю, а то я тебя туда самого зарюю. Повернувшись, он столкнулся в дверях с Ингой.

- Всё, прощение певцу? – спросила она.

- Ты же всё слышала. Только эти олухи его найти никак не могут. Специалисты грёбаные! Давай-ка чего-нибудь перекусим, а то жрать что-то захотелось. Да и песенок послушать бы не мешало. Да эти... Ты ещё здесь? – заорал он на Самсонова, стоящего у двери. - Иди и без Козина не возвращайся!

- Да, никуда идти не надо, - тихо сказала Инга. – Вадим, вылазь! – позвала она.

Никишов и Самсонов с удивлением смотрели на женщину. И тут начала приподниматься крышка старого, кованого сундука и показалось лицо Вадима. Он с испугом смотрел на офицеров, не зная вылезать ему или нет.

И вдруг раздался гомерический хохот. Это смеялся Никишов. Таким его ещё не видел никто. Он свалился на стул, схватил руками себя за живот и смеялся, топая сапогами по полу. Потом ткнул пальцем в Козина, всю ночь просидевшего в сундуке Инги, и опять заржал. Сначала несмело, но потом всё сильнее стал улыбаться и Самсонов. И только Инга, присевшая на стул, смотрела на всё это с какой-то грустью. Это могло быть её последним добрым делом. С такими людьми, как Никишов, шутки плохи. А «Сам» встал со стула и, всё так же смеясь, подошёл к буфету, взял бокал, налил его доверху коньяком, протянул

Вадиму.

- На, колымский ты наш соловей, запей обиду! И спой нам чего-нибудь. Раздевайся Самсонов.

- Так надо людей предупредить, чтобы не искали больше.

- Ничего, пусть погрызут землю. С них не убудет. Или тебя тоже к ним направить искать Козина? - И он снова заржал, довольно потирая руки.

«Вот так закончилась эта история, - вздохнув, сказал Михалыч. – О! Кажется и машина идёт».

Не спеша все вышли из балка. Дождик прекратился, а невдалеке разворачивалась машина, пришедшая за ними. Рыбалка была закончена. Они собрали рюкзаки, достали мешки со сложенными в них сетями и пошли в сторону машины.

P.S.

Меня долго интересовал вопрос о том, что из рассказанного Михалычем было правдой, а что нет. Спросить у самого Вадима Алексеевича Козина, живущего в Магадане, и которому в своё время я был представлен, было невозможно. Оставалась Инга. Но где её искать? Правда, в профсоюзной культуре работала одна женщина - Инга Брониславовна, только она это или нет? Как узнать? Но, как говорит пословица: «Кто ищет, тот всегда найдёт!»

Как-то я оказался на одном из вечеров, проводимых отделом культуры. За столиком, куда меня посадили, сидела и Инга Брониславовна. Это была пожилая, полноватая и совсем седая женщина. Она оказалась очень весёлым человеком, профессионально рассказывала анекдоты и с ней было тепло, весело и легко. Прощаясь, я извинился и спросил: «Инга Брониславовна, а это правда, что про вас рассказывают, как вы спасли Козина?» Она внимательно посмотрела на меня, хитро улыбнулась и сказала: «Конечно враньё! Хотя... что-то в этом роде и могло быть. Я уже не помню».

Автор доводит до сведения читателей, что возможные совпадения в рассказе имён и фамилий, кроме Козина и Никишова, являются случайными.

* **Балок** - домик, с засыпкой между досками стен золой или опилками.

***Козин Вадим Алексеевич** - эстрадный певец (лирический тенор), исполнитель цыганских песен и романсов, чрезвычайно популярный артист в 30 – 40-ые годы прошлого столетия, автор нескольких сотен песен.

Октябрь 2010 г.